

Акылбек. Л. Салиев

**О ПОПЫТКАХ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ СБЛИЗИТЬ
СУДОПРОИЗВОДСТВО КОЧЕВОГО НАСЕЛЕНИЯ
ТУРКЕСТАНА С ОБЩЕРОССИЙСКИМ СУДОМ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ (ПО АРХИВНЫМ,
ПРАВОВЫМ И ИНЫМ МАТЕРИАЛАМ)**

Тенденция царской политики к сближению судопроизводства кочевого населения Туркестана с общероссийским судом и законодательством была процессом неоднозначным. С одной стороны, она выражалась в том, чтобы установить контроль над судами номадов посредством изъятий из их ведения ряда дел и передачей их под юрисдикцию «русских» (государственных) судов. С другой – в том, чтобы внедрить нормы тогдашнего российского законодательства в судопроизводство кочевых народов, избавив его от использования непродуктивных, отживших и вредных, с точки зрения царской власти, норм обычного права, мешающих прогрессивному развитию номадов. Наконец, приобщение кочевников Туркестана к русскому суду и праву шло по линии их подсудности этому суду, согласно нормативно-правовым актам, относящихся к данному региону. Такого рода политика имела свои исторические аналогии в практике деятельности колониальной администрации западных метрополий в их американских, африканских, азиатских, тихоокеанских и иных «лимитрофах», что позволяет нам говорить о ней как об общей закономерности в развитии контактов развитых стран с населением их владений. Например, исследователь И.Е.Синицына писала в 1978 г. о том, что «применение английского права предусматривалось первыми колониальными договорами»¹. Однако сначала английское право рас-

¹ И.Е. Синицына, *Обычаи и обычное право в современной Африке*. М., 1978, с. 27.

пространялось только на подданных «короны», но со временем, в крупных уголовных и гражданских делах, оно стало применяться и к абorigенам колоний. Британские колонизаторы разрешили последним иметь свои собственные суды, основанные на обычном праве, но в апелляционном порядке они могли обращаться лишь в суды английского права. Она отмечала, что и в обычной практике «местные («туземные») суды при вынесении решений на основе обычного права обязаны были до известной степени согласовывать решения с английским «правом справедливости»².

Попытки царской власти сблизить судопроизводство кочевого населения Туркестана с общероссийским судом и законодательством не были феноменом и в ее политике на национальных окраинах империи. Мероприятия такого рода проводились еще в XVII в. в среде перекочевавших на территорию России калмыков. В то же время они применялись по отношению к «бродячим народцам»³ Сибири, а также распространялись в Башкирии. С середины XVIII в. царские власти старались сблизить с российским судом и правом традиционное судопроизводство кочевников на присоединившихся к России территориях Казахстана. Непосредственно перед присоединением Средней Азии, царизм пытался сделать то же самое в среде «горских» народов Кавказа, имевших свои суды по обычному праву (адату). Такую политику царизма можно было бы назвать «русификацией» обычного права и судопроизводства кочевых народов Российской империи, однако, мы считаем, что такой термин излишне глубоким и сущностным для данного случая. Мы предпочитаем называть ее «обрусением» номадического судопроизводства в царистской империи, понимая «обрусение» как приспособление кочевых судов к новым историческим условиям царистского господства в Туркестане, их частичную адаптацию в общероссийскую судебную систему. Оно имело разные степени влияния на последнее в различных регионах царской России. И в этом отношении Туркестан вряд ли был ущемлен более других, как это пытались утверждать советские историки региона или некоторые их ангажированные коллеги в нынешних странах Центральной Азии. Помощник военного губернатора Сырдарьинской

² Там же, с. 28.

³ Так в то время называли в официальных документах кочевые этносы этого региона – А.С.

области, полковник Н.Дингельштедт писал в 1892 г о том, что кочевые народы других частей Российской империи «должны обижаться на то, что они живут в более сложных правовых и судебных условиях, нежели их туркестанские соплеменники»⁴. (Курс. наш – А.С.) С ним солидаризировался советский туркестановед Т.С.Саидбаев, отмечавший в 1978 г., что после присоединения Средней Азии к России царские власти «учредили народные суды, которые имели больше прав и полномочий, чем народные суды в других регионах Российской империи»⁵. Таким образом, у нас нет оснований полагать, что степень «обрусения» кочевого судопроизводства в дореволюционном Туркестане была самой жесткой в череде других ему подобных в царской России.

Начало «обрусению» кочевого судопроизводства в Туркестане положило «Временное положение об управлении Туркестанской области», утвержденное императором Александром II 6 августа 1865 г.⁶ Оно учредило народные суды как по обычному праву (адату), так и шариату, но поставило их под контроль так называемых «управляющих туземных населением», которые могли рекомендовать тех или иных «туземцев» к назначению (или смещению с должности) биев и казиев военным губернатором области. «Управляющие» могли также отменять решения и приговоры народных судей, если они противоречили их пониманию справедливости или отличались жестокостью. Другой чертой «обрусения» судопроизводства кочевников Туркестана было изъятие из их ведения, согласно статье 36-й «Временного положения» 1865 г., дел по убийствам, грабежам, угону скота (барымте), разбоям, изнасилованиям и т.п.⁷ Но главным, на наш взгляд, в тогдашнем «обрусении» кочевого судопроизводства было рождение у биев ощущения постоянного присутствия возле них незримой, но опасной чужой силы, которая отныне, как «Дамоклов меч» нависала над всей их судебной практикой. В последующем это ощущение становилось сильнее, так как возрастала степень влияния царской власти и русского права на обычное право и судопроизводство номадов Туркестана.

⁴ Н. Дингельштедт, *Судебное преобразование в Туркестане*. Б.м., 1892, с. 58.

⁵ Т.С. Саидбаев, *Ислам и общество. Опыт историко-социологического исследования*. М., 1978, с. 98 в сноске.

⁶ См.: Высочайше утвержденное – «Временное Положение об управлении Туркестанской областью». 6 августа 1865 года // ПСЗРИ. Собр. 2-е, т. 40, отд. 1. 1865 год. СП б, 1867, № 42372, с. 876–881.

⁷ Там же, с. 880.

Было бы ошибочным полагать, что царская власть действовала только в одном направлении, осуществляя перманентно прессинг на народные суды «туземного» населения указанного региона, подминая их под себя, навязывая им свою волю и т.д. Отнюдь. Проект временного «Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях» 1867 г. вернул под их юрисдикцию дела, изъятые «Положением» от 6 августа 1865 г. Примечание к § 198 гласило: «Уголовными делами у киргизов (читай: кочевников – А.С.), подлежащими суду народному считаются убийство и баранта»⁸. Примечательно, что при этом, согласно § 131, дела по убийствам среди оседлого населения были по прежнему изъяты из ведения народных (шариатских) судов казиев⁹. Возвращение этих дел в ведение кочевого судопроизводства в Туркестане было непростым и вызвало острые дискуссии, однако члены так называемой «Степной комиссии», разрабатывавшие проект, в большинстве своем пришли к выводу о том, что «главное основание судеустройства в Киргизских степях должно заключаться в предоставлении киргизскому народу¹⁰ права судиться по местным обычаям, с возможным расширением прав народного суда»¹¹. Комиссия отмечала, что подчинение кочевников «русскому суду на основании прежнего порядка в обеих степях невозможно». По ее мнению, бюрократизм и сложность российской судебной системы противоречат условиям жизни кочевников и потому они «сделали прежний суд наш как гражданский, так и уголовный орудием упадка нравственного нашего влияния». Комиссия констатировала, что кочевники не верят такому русскому суду, «что не может не ронять даже достоинство правительства»¹². Вместе с тем, она указывала что «с предоставлением означенного права киргизам правительство не должно отказываться навсегда от объединения и этой народности с общим (то есть русским – А.С.) судом в видах государственного единства; народ-

⁸ Проект Положения об управлении в Семиреченской и Сыр-дарьинской областях. СПб., 1867, с. 31; «барантой» в официальных документах того времени называли барымту – А.С.

⁹ Там же, с. 21.

¹⁰ В официальных документах и в обиходной речи того времени «киргизами» называли всех кочевников Туркестана, кроме туркмен – А.С.

¹¹ Материалы по истории политического строя Казахстана. Т. 1. Алма-Ата, 1960, с. 265

¹² Там же, с. 265.

ный суд должен быть оставлен до тех пор, пока постепенный успех гражданственности в среде киргизского народа не поставит его в уровень с остальным населением России»¹³. (Курс. наш – А.С.) Однако члены комиссии рекомендовали разрешить кочевникам «Степей» уже в то время обращаться за решением своих дел к русским судам. Они указывали, что «с предоставлением киргизам права для разбора дел обращаться к русскому суду туземное население приобретает возможность найти суд и защиту у русской власти и станет без насилия и принуждения привыкать к русским порядкам. Таким образом устроенный суд, поистине, станет средством соединения, а не разъединения народностей, как было прежде». (Курс. наш – А.С.) При этом «Степная комиссия» еще раз подчеркивала важность «подчинения общему (русскому – П.Л.) суду всех обывателей Степи, за исключением киргизов, и предоставление киргизам права обращаться для разбора дел между собой к русскому суду»¹⁴.

Советская историография, как правило, утверждала, что «туземное население Туркестана редко обращалось в царские (читай: русские) суды, защищавшие интересы российских помещиков и капиталистов, а также местной аристократии и богачей. Этот тезис верен, но лишь отчасти – применительно к оседлому населению региона, предпочитавшему разбирать свои дела в шариатских судах и действительно весьма редко обращавшихся в русские суды. Преимущественно это были «сарты» – предприниматели, имевшие дела с российскими банками и компаниями. Однако, указанный тезис не совсем убедителен в отношении кочевого населения Туркестана. Современный казахский историк Ж.О. Артыкбаев, явно не склонный идеализировать царистский период в истории Туркестана, признает, что во второй половине XIX в. «все больше казахов, отчаявшись получить удовлетворение от новых биев, идут в имперские суды»¹⁵. В этих условиях царские власти могли бы использовать такой благоприятный шанс и упразднить традиционное кочевое судопроизводство, однако, по словам Артыкбаева, «тем не менее, правительство не рискнуло уничтожить бийские суды, которые с перебоями, но функционировали до конца XIX века»¹⁶. Его мнение подтверждает-

¹³ Там же.

¹⁴ Там же, с. 266.

¹⁵ Ж.О. Артыкбаев, *История Казахстана в XIX веке*. Караганда, 1992, с. 60.

¹⁶ Там же, с. 61.

ся многими дореволюционными авторами и документами. Российский правовед И.В.Аничков писал в 1899 г. о том, что кочевники Туркестана и «степных» областей стремятся разбирать свои дела в русских судах потому, что «заправилы и сильные туземного мира несправедливо судят и угнетают их»¹⁷. Б.Н. Известный дореволюционный российский юрист (прокурор) Б.Н.Дельвиг писал о том, что в виду значительного числа пороков в деятельности народного суда биев, «многие киргизы хотят судиться в русских судах, считая свой суд несправедливым»¹⁸. Есаул Ливкин, командированный военным министерством в Индию и по пути посетивший «степные» области и Туркестанский край, писал в своем отчете о том, что «туземное» население Средней Азии «часто предпочитает единоличное решение представителей русской власти спорам между собой – решению их по шариату и обычаю»¹⁹. Первый департамент министерства юстиции («часть юристконсультская») указывал в 1897 г., что «туземное население этих окраин («степных» областей и Туркестанского края – А.С.) еще мало знакомо с деятельностью русского суда, а вместе с тем имеются уже достаточные указания на то, что оно начинает тяготиться неурядицей своего собственного народного суда»²⁰. (Курс. наш – А.С.) По мнению департамента, властям следовало действовать в направлении постепенного и осторожного привлечения «туземцев» к русскому суду, в связи с чем он указывал, что «министр юстиции признавал бы однако весьма желательным ныне же открыть для всякого туземца возможность судиться по своим тяжбам в русском суде и с этой целью изменить статью 215 Туркестанского Положения в том смысле, что дела, подсудные народному суду, могут подлежать разбору мировых и общих судебных установлений по их подсудности не только по соглашению обеих сторон, но и по желанию одного из тяжущихся»²¹. Руководитель правительственной «ревизии» Туркестанского края в 1908–1909 гг., сенатор К.К.Пален писал о том, что представители «деловых кругов» местно-

¹⁷ И.В. Аничков, *Присяга киргиз перед русским судом*. Ташкент, 1899, с. 11.

¹⁸ Б.Н. Дельвиг, *Киргизский народный суд в связи с правовым положением инородцев Степного края* // Журнал Министерства юстиции. 1910, № 5, с. 139.

¹⁹ Архив СП 6 Ф ИВ РАН, ф.115, оп.1, д. 120 – Рапорт и отчет есаула Ливкина о командировке в Индию, л. 33.

²⁰ Россия. Министерство юстиции. Об устройстве судебной части в Туркестанском крае и Степных областях. СП 6., 1897, с. 21.

²¹ Там же, с. 22.

го коренного населения как кочевого, так и оседлого «стремятся к сближению с русским правом»²². Однако туркестанская администрация мало что делает для реального такого сближения, в том числе, разумеется, и непосредственно русские суды. По мнению Палена, правительство должно идти навстречу правовым нормам «туземного» населения с тем, чтобы в итоге прийти «к полному сближению с правовыми нормами современного государства»²³.

SUMMARY

There are considered legal proceedings rapprochement examples of the nomadic population of Turkestan with the all-Russian court and the legislation.

Keywords: legal proceeding, “russification”, the nomadic population, Turkestan.

²² Пален. Отчет по ревизии Туркестанского края. Правовой быт туземного населения. СПб., 1910, с. 118.

²³ Там же, с. 117.